

Луна светла, как нефрит. Иней укрыл небеса. Свежий ветер струится над рекой, унося за собой напевы лодочников.

Белоснежное одеяние переброшено через ширму. Свечи мерцают, отбрасывая на полотно колышущуюся тень мужчины — тот неспешно снимает одежды и погружается в деревянный чан с горячей водой.

Пригоршня воды плещет на лицо. Блестящие капли скользят по щекам, стекают к подбородку и падают в воду, расходясь кругами по поверхности. Бу Фэнчэнь откинулся на край чана и медленно смежил веки. Вода доходила до груди, скрывая всё, что таилось под ней. Серебристые пряди волос плыли по поверхности, извиваясь и переплетаясь — точно водоросли лунного цвета.

* «Хех... Ты что, решил осесть в этом мире смертных навсегда? Этот мужчина по имени Чоу Тяньгэ — он явно занимает немало твоих мыслей.»*

— Он занятный человек. — В пустой комнате голос Бу Фэнчэня звучал тихо, точно тот говорил сам с собой. Уголки его губ сами собой чуть приподнялись.

* «Хм... Редкое зрелище. Неужели нашёлся кто-то, способный привлечь взгляд такого холодного существа, как ты.»*

— Взаимно. — Бу Фэнчэнь вёл беседу с другим существом, сокрытым в глубинах собственного тела, и, судя по всему, давно привык к подобному способу общения.

* «Ты так и не нашёл способа разделить нашу душу? Если нет — лучше поскорее откажись от контроля над телом. Нечего занимать его без дела и попусту тратить свою духовную силу.»* — В голосе, звучавшем изнутри, явственно сквозило недовольство.

— Выпустить тебя натворить бед? — Бу Фэнчэнь слегка нахмурился. — Нам достаточно узнать у Чоу Тяньгэ о способе разделения душ. Не нужно больше выкидывать с ним свои выходки.

* «Хехех... Забыл? Ты — это я, я — это ты. То, что я делаю с этим мужчиной, — разве не того же самого ты сам желаешь в глубине души? В Священных Вратах ты изо дня в день носишь маску достоинства — ладно уж. Но зачем давить себя даже сейчас? Ты лицемер, от которого меня буквально тошнит.»*

Бу Фэнчэнь, годами противостоявший этому другому «я», давно перестал воспринимать подобные слова. Без спешки, без раздражения он ответил:

— Моё лицемерие — зеркало твоего. Как ты сам сказал: я — это ты, ты — это я. Когда придёт

день и мы найдём способ разделить наши души — именно тогда между нами решится всё.

* «В этом мире есть место лишь для одного Бу Фэнчэня. Я не против убить тебя и наконец стать собой.»*

Посреди разговора Бу Фэнчэнь вдруг насторожился и резко открыл глаза. Одно мгновение рассеянности — и другая душа, таившаяся в глубине, стремительно вырвалась наружу...

* «Ты столько дней держал под контролем это тело. Пора отдохнуть...»*

Когда глаза открылись снова, прежней теплоты в них не осталось. Осталась лишь холодная, тщательно скрываемая темнота.

В комнате горел свет — значит, тот мужчина ещё не спал.

Я крался к двери, затаив дыхание, и всё же был обнаружен — как ни старался. Невольно стиснул зубы. Проклятье. Только что внутри явственно слышался голос Бу Фэнчэня, но я не успел разобрать ни слова — тот вдруг умолк.

Умолк именно потому, что почуял моё присутствие. Но с кем он только что разговаривал? Неужели в комнате кто-то есть? Кто?

Раз меня всё равно заметили — незачем прятаться.

— Тук-тук-тук. — Я постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, толкнул её и вошёл. Окинул комнату взглядом: никого, кроме Бу Фэнчэня. Либо он только что говорил сам с собой, либо в комнате был кто-то, кого уже нет. Этот мерзавец точно что-то от меня скрывает.

— Моешься? — Я медленно двинулся в сторону ширмы. Сквозь полотно смутно угадывался силуэт мужчины в купальном чане. Тот промолчал. Я подошёл ближе и остановился.

Скользнул взглядом по одеянию, перекинутому через край ширмы, протянул руку и снял его.

— Одежда запачкалась, — сказал я. — Я отнесу постирать.

Говорил и одновременно запустил пальцы во внутренние складки, ощупывая ткань. Мягкое, тонкое полотно скользило между пальцами. Вскоре пальцы наткнулись на что-то — небольшой шёлковый мешочек. Я слегка взвесил его на ладони: внутри перекачивалось что-то мелкое.

Хех. Вот оно, значит.

Уже готовился незаметно переправить мешочек за пазуху — и вдруг мокрая рука стремительно, беззвучно сомкнулась на моей. Ни звука, ни предупреждения. Словно призрак.

Я вздрогнул. Поднял голову — и у самого уха раздался голос мужчины за спиной: низкий, с оттенком насмешливого веселья.

— Ну надо же... Истинная супруга, добродетельная и заботливая — ещё и бельё стирать вызвалась.

Этот голос. Этот тон. Нехорошее предчувствие кольнуло в груди, и я про себя выругался: Ложный святой, ну как можно было так запросто уступить тело этому Ложному добродетельному и даже словом меня не предупредить?

С этим Бу Фэнчэнем куда сложнее совладать, чем с прежним.

Горячее дыхание коснулось задней части шеи. Бу Фэнчэнь потянулся за чистым одеянием, лежавшим рядом, и накинул его на себя — не оборачиваясь. До меня доносилось лишь тихое шуршание. На полу поблёскивали лужицы воды: оказывается, он выскочил из чана у меня прямо за спиной.

Одетый — всё же лучше, чем голый.

— Хех, пойду постираю одежду. Ты отдыхай. — Из тридцати шести стратагем лучшая — бегство.

Но Ложный добродетельный и не думал меня отпускать. Рука скользнула на талию, и тихий смех прозвучал у самого уха:

— Ты столько времени провёл рядом с ним, а стоит мне появиться — сразу бежишь?

Я без церемоний сбросил его руку, швырнул грязное одеяние прямо ему в голову и бросился к выходу. Не успел сделать и двух шагов — снова был пойман.

— Куда это ты? Ночь глубокая. Давай-ка лучше отдохнём вместе. — Одной рукой он обхватил мою талию, другой нашёл точку, лишаящую меня возможности сопротивляться, — и потащил прямо к постели, не слушая никаких возражений.

Меня бросили на ложе — и он тут же навалился, стиснув сзади в объятиях. Я уже готовился высказать всё, что о нём думаю, когда Бу Фэнчэнь произнёс:

— Сегодня ночью я ничего не сделаю. Просто дай мне поддержать тебя.

Огни в комнате вдруг погасли. Тьма навалилась мгновенно.

— Иди обнимай кого-нибудь другого. — Я изо всех сил двинул локтем ему в грудь. Бу Фэнчэнь не издал ни звука.

— Если не хочешь спокойно лежать — я прямо сейчас могу раздеть тебя догола. — Голос — мягкий, как шёлк. Слова — наглые, как у разбойника с большой дороги.

Ложный добродетельный не только говорил подобное, но и делал.

Раз не убежать — пусть обнимает. Всё лучше, чем оказаться придавленным...

<http://bllate.org/book/18233/1765206>